

УДК 94(571):332.1 + 314.7

Канн Сергей Константинович,

кандидат исторических наук,

Государственная публичная научно-техническая

библиотека СО РАН, г. Новосибирск,

skann@yandex.ru

А.Н. Куломзин о переселенческой политике Комитета Сибирской железной дороги

Аннотация: Содействие переселению крестьян на окраины России считалось важнейшей, приоритетной задачей Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД). Однако взгляды и подходы отдельных руководителей проекта к решению данной задачи существенно различались. Принципиальные цели политики КСЖД по организации переселений были сформулированы С.Ю. Витте в одном из первоначальных заседаний КСЖД, рассматривавших план вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги. При этом объёмы финансирования переселенческих мероприятий, сроки их реализации и необходимую последовательность действий Витте прагматично связывал со сроками и планами сооружения всей Транссибирской магистрали. Гораздо более глубокий и прочный подход к организации крестьянских переселений прослеживался у управляющего делами КСЖД А.Н. Куломзина. Он считал, что успешное развитие аграрного производства в Сибири и на Дальнем Востоке зависело не столько от скоропалительных искусственных мер по насаждению переселенческих хозяйств, сколько от долговременных усилий по улучшению культуры землепользования, от внедрения передовой техники, научной агрономии и общего подъёма производительных сил крестьянства. В концепции Куломзина самыми существенными представляются следующие положения: 1) переселение, в качестве важнейшего явления народной жизни, требует постоянного законодательного и административного регулирования; 2) государственное регулирование переселений необходимо осуществлять мерами постепенными и последовательными; 3) чиновники, занимающиеся организацией переселений, обязаны опираться на хороший личный опыт и глубокое научное знание предмета; 4) самое прочное заселение необжитых территорий обеспечивают наиболее самостоятельные, умелые и энергичные элементы из крестьянской среды. Следуя названным принципам, Куломзин всемерно поддерживал агрономическую помощь переселенцам, устройство в Сибири складов семян и сельхозинвентаря, организацию ферм, учреждение должностей губернских агрономов, строительство метеостанций, проведение гидротехнических работ и почвенно-агрономических мероприятий. Летом 1896 г. Куломзин лично посетил 135 переселенческих посёлков, проехал за три месяца 2200 вёрст водными путями и 5000 в. грунтовыми дорогами, побеседовал с

сотнями крестьян и чиновников. Накопленный им большой личный опыт и знания на некоторое время позволили преодолеть сильное сопротивление ведомственной бюрократии и консерваторов из МВД, а также в какой-то степени сгладить отрицательные последствия от использования централизованных методов управления на окраинах.

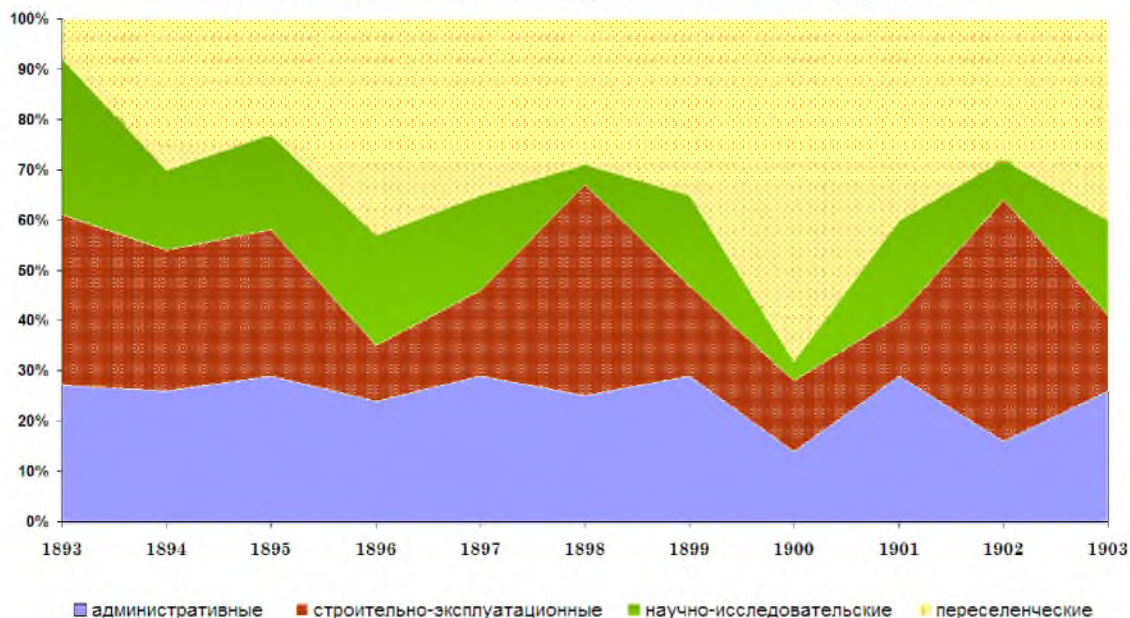
Ключевые слова: Транссибирская магистраль, Транссиб, Комитет Сибирской железной дороги, Куломзин А.Н., воспоминания, Витте С.Ю., аграрный кризис в России, переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток, колонизация, переселенцы, миграционная политика.

Содействие крестьянскому землеустройству и переселенческому движению в Сибирь всегда считалось одной из приоритетных задач Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД). С этой точки зрения комитет развивал главные основы правительственной политики, заложенные задолго до его официального учреждения в конце 1892 г. [1, с. 196–198; 2, с. 17–21]. Вместе с тем, благодаря энергичной деятельности С.Ю. Витте, вектор этой политики стремительно менялся, приобретал новые прагматические черты.

Прежде всего, как справедливо заметил М.В. Шиловский, по инициативе комитета произошла смена парадигмы в вопросе о колонизации Сибири, принят пакет нормативных документов, созданы новые льготные условия для развития переселенческого движения [3, с. 165]. Миграции были поставлены в прямую зависимость от темпов и сроков реализации всего проекта Сибирской железной дороги. Сооружение магистрали и колонизационное движение на восток, взаимно усиливая друг друга, стали частью замысла Витте по развитию системы «вспомогательных предприятий» Сибирской железной дороги. Переселенческое движение «подпитывалось» увеличением крестьянской массы, двигавшейся по вновь построенным участкам железной дороги, а постепенное укрепление переселенческих хозяйств на местах водворения расширяло поток грузов, поступающих на станции. По своей сути этот план, нацеленный, в первом приближении, на достижение экономической окупаемости дороги, в более или менее отдалённой перспективе обеспечивал стратегическое развитие Сибири и подъём её производительных сил.

Масштаб переселенческих мероприятий непрерывно возрастал и на заключительных этапах деятельности КСЖД (после 1900 г.) рассмотрение разного рода переселенческих вопросов занимало немаловажную часть его повестки заседаний (см. диагр.). Тем не менее, энергичное продвижение всего комплекса колонизационных мероприятий не могло заслонить того факта, что взгляды и подходы основных действующих лиц этого процесса, руководителей и членов комитета, а также представителей разных ведомств, вовлечённых в эту деятельность через участие в особой Подготовительной комиссии (ПК), существенно различались. Переселенческая политика комитета находилась под сильным влиянием двух противоборствующих направлений – дворянско-либерального и консервативного, причём их столкновение носило не только затяжной, но и весьма жёсткий характер.

Доля разных групп вопросов, обсуждавшихся в 42 заседаниях
Комитета Сибирской железной дороги в 1893-1903 гг. (в процентах)

Принципиальные основы будущей переселенческой политики КСЖД сформулировал С.Ю. Витте в одном из первых заседаний, где обсуждалась его записка № 277 от 1.02.1893 г. «О вспомогательных предприятиях Сибирской железной дороги». По замыслу Витте, вспомогательные предприятия «имели целью как облегчение постройки, так и содействие заселению и промышленному развитию прилегающих к дороге местностей» [4, с. 230]¹. С помощью переселений он предполагал «оживить мёртвые богатства Сибири» и обеспечить дорогу надлежащим количеством грузов и пассажиров, а в подтверждение плодотворности своих замыслов Витте ссылался на опыт частной Канадской железной дороги, имевшей 30 млн бушелей зерновых грузов (более миллиона тонн) и 8 млн долларов дохода уже через несколько лет после начала эксплуатации [4, т.1(1893), л. 20–21об; 5, с. 232–233].

С этой точки зрения подход министра финансов к организации крестьянских переселений был сугубо утилитарным, а выдвинутая им программа крайне ограниченной. Призывая «не пренебрегать ни одним из тех средств, которые могут содействовать увеличению народонаселения и производительности в прорезываемой стране» и называя колонизацию первейшим из этих средств, Витте, вместе с тем, предлагал черпать кредиты на переселение «из общей суммы, предназначенной для осуществления

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 3. Л. 64 об.

великого Сибирского пути» [4, т. 1(1893), л. 21 об.–22; 6, с. 24; 7, с. 441]. Понятно, что в этом случае сами размеры переселения носили бы узкий и в значительной степени «прикладной» (к железной дороге) характер.

Наряду с «устройством быта малоземельных крестьян Европейской России» Витте предлагал осуществить регулируемую программу водворения крестьян и образования посёлков по линии железной дороги в ближайших районах Ишимской, Барабинской и Кулундинской степи, в максимально короткие сроки обеспечив её пассажирами и грузами. По словам Витте, «переселенцы, оживляя своим трудом мёртвые богатства Сибири, дадут Сибирской железной дороге массу грузов и соответствующее число пассажиров», а вслед за крестьянами в «плодородные Сибирские пустыни» должны были потянуться представители состоятельных слоев общества [5, с. 234].

Нет сомнения, что если бы у истоков реализации переселенческой программы КСЖД стоял исключительно Сергей Юльевич Витте с его утилитарным подходом к достижению «более благоприятных финансовых результатов» проекта, то сама программа не вышла бы из узких рамок устройства некоторой цепи посёлков в ограниченной 100-вёрстной полосе вдоль линии Сибирской магистрали. Однако переселенческая деятельность комитета постепенно вышла на широкий простор «истинно народного дела», в чём немалая заслуга, на наш взгляд, принадлежала управляющему делами КСЖД Анатолию Николаевичу Куломзину (1838–1923). Вклад этого человека в развитие Сибири на рубеже XIX–XX веков до сих пор намного превосходит объём посвящённой ему исследовательской литературы.

Наиболее подробно к изучению жизни и деятельности А.Н. Куломзина на основе его замечательных, но всё ещё неизданных мемуаров обращался А.В. Ремнёв [8, 9, 10, 11 и др.], использовавший этот важный исторический источник для разработки вопросов административной политики самодержавия в Сибири и на Дальнем Востоке, имперской географии власти и регионального управления на окраинах Российской империи.

Черновые записи воспоминаний А.Н. Куломзина в разрозненном виде хранятся в нескольких архивных фондах – в Российском государственном историческом архиве, Отделе рукописей Российской государственной

библиотеки и Государственном архиве Российской Федерации. Они позволяют составить относительно полную картину взглядов и оценок самого Анатолия Николаевича на цели, задачи и характер переселенческой деятельности КСЖД, на эволюцию подходов к организации переселений в разные периоды времени. Воспоминания содержат множество интереснейших подробностей, раскрывающих борьбу мнений вокруг главных направлений освоения и развития Сибири на рубеже XIX–XX вв., указания на столкновение ведомств по вопросам переселенческой политики и трения по этому предмету среди высших сановников. Куломзин даёт им прямые и нелицеприятные оценки, ссылаясь на исторические итоги их деятельности.

По большому счёту, Куломзин и Витте имели близкие взгляды, но расходились в понимании способов достижения конечных целей. В КСЖД они противостояли группе консерваторов и действовали с дворянско-либеральных позиций, осознавая неизбежную поступь необходимых изменений. С точки зрения их совместных действий немаловажное значение имели субъективные, личностные расхождения между этими двумя, безусловно, выдающимися фигурами. Работоспособного Куломзина, тщательно готовившего проекты всех решений Комитета, обижало, когда Витте называл эти документы лишь «набросками». «Слабая сторона Витте, – сетовал Куломзин, – заключалась в том, что он не терпел никакой сторонней инициативы... это ярко выразилось в тех уколах моему самолюбию, которые я должен был терпеть в заседаниях. Неоднократно он с пренебрежением отзывался о моих справках, хотя они отличались большой полнотой»¹.

В отличие от весьма подвижных и изменчивых взглядов Витте, Куломзин был уверен, что «будущие успехи нашего сельского хозяйства лежат в подъёме производительных сил нашего крестьянства, подъёме не эфемерном, достигнутом искусственными мерами, а длительным влиянием на возвышение культурного уровня сельскохозяйственного умения крестьянской среды в обращении с землёю»². Основу деятельности КСЖД Анатолий Николаевич видел в решении долговременных задач по улучшению экономического быта массы крестьянского населения и в организации мер, способствующих прочному заселению Сибири.

Из воспоминаний А.Н. Куломзина видно, что продуктивные идеи всегда упирались в мощное сопротивление бюрократии. Ещё во время своей службы в министерстве государственных имуществ А.Н. Куломзин подготовил представление, ставшее основой положения Комитета министров от 10.07.1881 г. и давшее, по словам автора, «начало Переселенческому делу». Суть его заключалась в том, что по взаимному соглашению министров внутренних дел и государственных имуществ разрешение на переселение могли получить те, кто не имел на то формального права, но был вынужден делать это в силу экономического положения. «Конечно, из этого вышла большая переписка, – пишет автор, – но тогда побоялись идти далее. Лишь с образованием Сибирского комитета [КСЖД. – С.К.] эти разрешения были предоставлены местным губернским присутствиям»³.

Принципиальной чертой характера Куломзина был глубокий и вдумчивый подход к тем вопросам, которые он разрабатывал. В 26-летнем возрасте он начинал с архивной работы в Государственной канцелярии, затем работал в министерстве государственных имуществ (МГИ), департаменте госэкономии Госсовета и Комитете министров. И везде он посвящал много времени изучению документов, на основе которых принимались управленческие

---

¹ ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 7. Л. 8.

² ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 6. Л. 14 об.

³ Там же. Л. 26 об.

решения. В упомянутых мемуарах Куломзина говорится о том, что с 1860-х годов при МГИ действовала особая межведомственная комиссия, работавшая над составлением проекта по устройству сибирских государственных крестьян и «иностранцев», но признавалось, что её деятельность недостаточно подкреплена хозяйственными данными. По этой причине предположения комиссии долго не могли получить законодательного утверждения [12, с. 279]. Вследствие этого, с 1886 г. в МГИ приступили к сбору подробных статистических сведений о крестьянском землепользовании и хозяйстве в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях.

По словам Куломзина, «неоценимую услугу» в обработке и издании этих материалов оказал его товарищ Владимир Григорьевич Трирогов, образовавший особый «контингент усердных и преданных делу работников». Долгое время Трирогов служил земским деятелем в Саратовской губернии, занимая посты мирового судьи и председателя земской управы. По мнению Куломзина, переходя в центральные учреждения, такие деятели «оживляли их своим опытом, своей любовью к народу и своей близостью к его жизни и нуждам»¹. Трирогова привлекли к работе в министерстве, причём Анатолий Николаевич считал инициативу его назначения большой собственной заслугой. Таким образом, ко времени учреждения Комитета Сибирской железной дороги они успели подготовить и напечатать 25 томов «прекрасно разработанных» материалов, положенных в основу законодательства по устройству крестьян в Сибири². Надо сказать, что подобные же труды разрабатывались и по Кавказу, но, по словам Куломзина, на них «не обратили должного внимания и крестьянское дело на Кавказе было в корне испорчено, что показали последующие события»³.

С нескрываемой теплотой Куломзин писал о всей семье Трироговых, как о «цельных, истинно добрых, русских до глубины души людях», трогательно отзывался об отношениях хозяина семьи со своей супругой Натальей

---

¹ Владимир Григорьевич опубликовал интересное исследование «Община и подать» [13], где на примере русской, мордовской и татарской общин разбирались вопросы налогообложения сельских обществ в пореформенной России. Отмечая «великую литературную заслугу» этого труда, Куломзин писал, что Трирогов был первым, кто изучил крестьянский общинный земледельческий быт «во всей его подробности», а все особенности этого быта, в отличие от книг, «написанных общими местами», раскрыл «как раскрывает анатом своим скальпелем внутреннюю жизнь живого организма» (ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 6. Л. 12).

² Были изданы 22 выпуска «Материалов для изучения экономического быта крестьян и иностранцев Западной Сибири» (СПб., 1888–1894), сводный том к ним под названием «Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях», а также несколько выпусков «Материалов для исследования землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» (М.; Иркутск, 1889–1893).

³ ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 6. Л. 12 об.

Алексеевой. «В частной жизни всегда бодрый, глубоко симпатичный в своих внешних приёмах, меткий наблюдатель, юмористический собеседник, Владимир Григорьевич умел очаровывать всех, с кем приходил в соприкосновение. Более верного друга, доброго, умного советника нельзя было найти. Супруги нежно, но с русской простотою, чуждой всякой мишуры, любили друг друга, во всём были заодно и бесконечно были друг другу преданы»¹, – писал о своём друге Куломзин. Наталья Алексеевна вела большую благотворительную деятельность, построила в деревне церковь, громадную школу, плодовый рассадник и интернат для крестьянских детей. А когда её супруг умер, она оставила его цилиндр на столе в гостиной и на все вопросы отвечала: «он вышел и скоро вернётся».

Неосуществлённой мечтой Трирогова было создание «Русского кадастра» на основах, «вытекающих из народной жизни». По словам Куломзина, осуществить эту мечту Трирогову не дал министр государственных имуществ М.Н. Островский, который своими придирками «вогнал» его в преждевременную могилу². «Обращавший преимущественное внимание на внешнюю сторону бумаги», Островский сочувствовал либеральному образу мыслей и свободе печати, но «с большой примесью славянофильства» и несокрушимой уверенностью в силе бюрократии. Поддерживая заботы о благосостоянии народа, он «был более чем врагом крупной собственности», но, по мнению Куломзина, «ясно определённых взглядов на государственные задачи» не имел. Поработав в государственном контроле в период массовых хищений, Островский был уверен, что «каждый предприниматель есть непременно плут и хищник», а казённое хозяйство следует держать в руках «размножением отчётности и всяких формальностей». На частную собственность министр глядел «до известной степени социалистическими взглядами»³. По словам Куломзина, идеалом для Островского было Государство в качестве «верховного распорядителя земельного фонда», которое раздавало бы эту землю частным лицам во временное владение. «Этот взгляд, – пишет Куломзин, – он провёл в законе поземельного устройства государственных крестьян в Сибири и этому взгляду пришлось подчиниться и относительно Забайкалья, ибо создавать разные порядки в разных частях Сибири было немыслимо»⁴.

В разработке переселенческих вопросов Куломзин опирался на обширный опыт развития фермерских хозяйств в Америке, но, в первую очередь, на прусские достижения в «германизации польских провинций». Для изучения всех преимуществ этого опыта и возможностей его применения в России в Пруссию был командирован один из ближайших помощников Куломзина И.П. Шипов, который исполнил своё поручение «самым блестящим образом».

---

¹ Там же.

² Там же. Л. 14 об.

³ Там же. Л. 22.

⁴ ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 6. Л. 22.

Шипов досконально изучил важнейшие стороны деятельности прусской администрации по увеличению земельного фонда за счёт осушения болот, по проведению дорог к заселяемым участкам, по строительству школ и церквей в новых посёлках и т.д., то есть все те направления, которые впоследствии широко осуществлялись в Сибири. После его возвращения была издана книжка, распространение которой приостановил министр внутренних дел И.Н. Дурново.

Другая работа, над которой трудились подчинённые Куломзина (чиновники В.В. Никитин, В.Д. Батюшков, Ренненкампф), была связана с подготовкой «Свода статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России», изданного канцелярией Комитета министров в 1894 г. Книга доказывала пагубность пореформенного наделения крестьян «нищенскими наделами», рост избытка рабочих рук в центральных губерниях России в связи с крестьянским малоземельем (из-за необеспеченности землёй). На основе опыта своего зятя Н.И. Шидловского Куломзин вычислил избыток лиц, образовавшийся в сельском хозяйстве европейской России, определив его в размере около 2,1 млн взрослых работников, из которых 1,5 млн находились в чернозёмных (нестепных) губерниях центра страны. В Тульской, Нижегородской, Подольской, Киевской и других губерниях до 70 % крестьян имели надел «не свыше нормы», а в Курской, Симбирской, Орловской губерниях и того меньше – до 50 %. За 20 послереформенных лет резко возросла плотность населения этих губерний – до 59–67 чел. / кв. вер., а наделы уменьшились ещё больше. Уровень распашки в некоторых местностях Тульской, Орловской, Курской, Симбирской и Черниговской губ. достигал 70–82 %¹. «Ужасающую картину» представляли данные о росте арендных цен, числе безземельных и безлошадных крестьян и пр. Заключение к книге написал Н.Х. Бунге, предлагавший ряд мер по облегчению ситуации: развитие в указанных местностях кустарных промыслов и промышленного производства, «возвышение культурных приёмов в сельском хозяйстве» и его интенсификацию. По мнению Бунге, переселение крестьян со старых мест на новые в пределах европейской России представляло «паллиатив», так как прирост населения шёл очень быстро.

На пути широкого распространения «Свода статистических материалов» вновь встал И.Н. Дурново, воспретивший продажу книги после доклада директора Центрального статистического комитета Тройницкого, обнаружившего нечто нежелательное «в одной из таблиц». Но Куломзину было оставлено право книгу дарить, чем он и воспользовался в полной мере. Книга получила известность и, по словам Куломзина, возможно, подвинула бы правительство к решению крестьянского вопроса, если бы не Витте, у которого «было всегда на первом плане затирать чужие работы и других лиц кроме себя». Куломзин свидетельствует, что Витте полагал взяться за вопрос,

---

¹ ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 7. Л. 3 об.

получив обстоятельные данные, собранные в ходе переписи населения. Но когда он, в конечном итоге, взялся за разработку крестьянского вопроса в 1899 г., то его «затёрли» И.Н. Дурново и И.Л. Горемыкин, «а теперь, – отмечал Куломзин в воспоминаниях (он писал их в 1905 г.), – кажется, крестьяне принялись за его разрешение своеобразным манером»¹.

По словам Куломзина, такова уж была сила бюрократии, что при устранении «надзора общественного элемента» даже самые «благодетельные» правительственные распоряжения начинали противоречить интересам местных чинов, если не «денежно», то, во всяком случае, в смысле их «спокойствия»². Хорошо зная об этих особенностях российского чиновничества, Куломзин после учреждения КСЖД постарался поставить дело организации переселений на твёрдую практическую основу. Главным инструментом по подготовке решений и проектированию смет стала Подготовительная комиссия (ПК) при КСЖД. Её создание содействовало быстрому организационному оформлению всей системы вспомогательных предприятий. Комиссия была создана в соответствии со ст. 13 «Положения о КСЖД», допускавшей создание подкомиссий «для подробного изучения того или другого предмета» [4, т.1(1893), л.14]³. Такая нужда возникла уже в ходе третьего заседания КСЖД при обсуждении спорного вопроса о заготовке переселенческих участков силами особых межевых партий МГИ⁴. А.Н. Куломзин, как и Н.Х. Бунге, прилагал немалые силы, чтобы преодолеть «рутину порядков Министерства внутренних дел» по вопросам переселения⁵. При столкновении ведомственных интересов предполагалась серьёзная согласительная процедура.

По предложению председателя комитета наследника цесаревича, согласительный процесс возложили на ПК во главе с Куломзиным (высочайше утверждено 4.03.1893 г.) [4, т. 1(1893), л. 199–204 об.; 14, с. 27]. Этот пост председателя комиссии Куломзин занимал вплоть до 7.12.1902 г. По воспоминаниям Витте, вопрос о переселениях был выведен из бюрократического тупика, в котором он находился довольно продолжительное время [7, с. 441–443]. Уже на своём первом заседании 19.03.1893 г. комиссия приступила к разработке законодательных и практических мероприятий по водворению переселенцев [4, т. 2 (1893), л. 336–353]. В седьмое заседание КСЖД 2.06.1893 г. было внесено совместное представление МВД и МГИ о порядке образования переселенческих и

---

¹ Там же. Л. 5 об.

² ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 6. Л. 26.

³ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 1. Л. 109.

⁴ По записке «Об образовании в Сибири особых межевых партий для заготовления из казённых земель переселенческих участков», представленной МГИ (по Сибирскому отделению Департамента общих дел), № 237 от 16.02.1893 г. [4, т.1(1893), л.174-184об].

⁵ ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 6. Л. 26–26 об; Д. 7. Л. 1–5 об, 15–18 об.

запасных участков и расширении предметов ведомства учреждений по крестьянским делам, после чего появились «Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги» (выс. утв. 13.06.1893 г.) [4, т. 2 (1893), л. 289–439; 15, с. 91–96].

В деятельности руководимой им комиссии Куломзин решил твёрдо придерживаться определённого порядка. Необъятная Сибирь казалась ему в то время огромным и чистым листом («*tabula rasa*»), на котором при крайней ограниченности в средствах существовала реальная опасность «разбросаться и не достигнуть никаких целей». В силу этого, комиссия, через которую проходили все проекты переселенческих смет, следовала двум основным принципам: 1) максимально осторожно удовлетворять «лишь ясно обозначившиеся потребности» и 2) ко времени составления смет получать от ведомств наиболее полную информацию, «что в какой-либо отрасли в действительности сделано и какие фактические результаты достигнуты». «Таким образом, – заключал Куломзин, – идя из года в год вперёд, вполне сознательно Комиссия могла принять на себя перед Сибирским Комитетом ручательство в целесообразности предлагаемых ею мер и затрат»¹.

Ярым консерватором в вопросах аграрных переселений выступала верхушка МВД. «Давнишний идеал министерства, – писал А.Н. Куломзин, – заключался в том, чтобы всемерно стеснив административными мерами народное стихийное движение, каковым является повсюду эмиграция, достигнуть практической возможности водить, так сказать, переселенцев в Сибирь «на верёвочке». В разное время министерство воображало себе такую картину, что вот можно мерами администрации поднять такую-то деревню, перевезти её заботливыми попечениями чиновников на новые места, там снабдить всем нужным на казённые средства, начиная с готовых изб, скота и земледельческих орудий, и затем внушить им заботливость о себе под зоркими очами чиновника»².

По мнению руководства МВД, недостатки обустройства новосёлков в Сибири были обусловлены, в первую очередь, тем, что туда шли главным образом бедняки, тогда как следовало «оказывать покровительство» более состоятельным крестьянам. Во исполнение этой идеи, осенью 1893 г. ведомство внутренних дел предложило включить в проект сметы расходов из фонда вспомогательных предприятий ассигнование 40 тыс. руб. на переселение «особого рода привилегированных состоятельных переселенцев».

В представлении Земского отдела МВД № 13771 от 15.11.1893 г. говорилось, что Сибирь нуждается в «контингенте деятельных колонизаторов» и «нет надобности доказывать, что лиц, способных выполнить это поистине важное государственное назначение необходимо искать в среде имущественно состоятельного населения европейской России –

¹ ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 7. Л. 17–17 об.

² ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 7. Л. 17 об. – 18.

среди того элемента её, который самым успехом своей хозяйственной деятельности на родине оправдывает ожидания ещё больших успехов в крае, изобилующем природными богатствами, но бедном личными силами и предприимчивостью» [4, т.3(1893), л. 265 об]. Несмотря на это здравое обоснование, Подготовительную комиссию (ПК) насторожила как немалая сумма испрашиваемого кредита, так и практические меры по отбору лиц и созданию условий для проявления переселенцами «хозяйственного почина на новом поприще», вызвавшие бурную дискуссию, кого на самом деле стоит поощрять, а кого нет.

Куломзин, как председатель комиссии, напомнил о ещё не забытом опыте доставки переселенцев в Уссурийский край за счёт казны, показавшем «всю вздорность подобного предприятия». Предыдущим ходатаем в ПК выступало военное ведомство, озабоченное крайней малочисленностью казачьего населения по амурской и приморской границе, где проживало всего лишь 20 тыс. жителей обоего пола по амурскому войску и 7 тыс. – по уссурийскому¹. Военное ведомство смогло утвердить в КСЖД ассигнование в 336 тыс. р. на переселение 300 казачьих семейств – то есть по 1119 р. на каждую семью, «расход, очевидно, чрезмерный», замечает Куломзин. Но возражать было трудно, так как вопрос поддержал верховный атаман всех казачьих войск, наследник цесаревич Николай. Единственное условие, выдвинутое КСЖД, заключалось в том, чтобы на испрашиваемую сумму было бы переселено как можно больше семейств [4, т. 3 (1893), л. 207–208 об]. Но военное ведомство, по словам Куломзина, «поступило как раз наоборот. Казаки были приглашены из состава Донских станиц, пошли отчаянные пьяницы и лодыри, забрали лучшие земли, ничем не оставались довольными и вскоре потребовали обратного переселения», а когда им в этом было отказано, устроили беспорядки, усмирявшиеся войсками и розгами². Вспоминая об этих «слабосильных и бесконечно требовательных переселенцах», Куломзин писал, что «свет увидели» лишь тогда, когда решили допускать к перевозке на Дальний Восток переселенцев, способных заплатить за свою перевозку и предоставить залог не менее, как в 600 рублей³.

Возвращаясь к претензиям МВД, выдвинутым к 11-му заседанию КСЖД 1.12.1893 г., Куломзин с удовлетворением отмечал, что они были отклонены, а проектированный расход в 40 тыс. ПК рекомендовала отнести на счёт

---

¹ О заселении пограничной полосы Приамурского края, прилегающей к Сибирской железной дороге, казаками и ассигновании на этот предмет денежных средств: представление Главного управления казачьих войск, № 806 от 31.10.1893 г. [4, т. 3 (1893), л. 196–198 об.].

² ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 6. Л. 13 об. – 14. Куломзин замечает, что спустя десять лет он посылал туда чиновника своей канцелярии И.В. Сосновского (будущего архангельского губернатора), с целью изучить казачьи хозяйства, и тот нашёл хутора «донцов» «в совершенном расстройстве».

³ Там же. Л. 18 – 18 об.

кредита в 200 тыс. р., выделенных МВД по статье «на непредвиденные надобности». Тем не менее, впоследствии ведомство внутренних дел время от времени продолжало извлекать на свет приглянувшуюся идею обустройства состоятельных переселенцев за счёт казны, хотя и «под другими формами»¹.

Особый характер носило переселенческое движение на земли Кабинета в Алтайском округе и А.Н. Куломзин в своих мемуарах откровенно вскрыл феодальную сущность этих процессов. Представляя дворянско-либеральное крыло высшей царской бюрократии, он крайне нелицеприятно оценил всю непоследовательность и косность кабинетской политики. По поводу действий кабинетской администрации он писал, что «мы имеем лишнее доказательство вреда, наносимого народному благосостоянию... узкомонопольным характером обширнейших владений Кабинета Е.И.В.», который «давит свинцовой тяжестью» всю богатейшую страну, «не принося пользы ни себе, ни другим»². Особой горечью наполнены слова о корыстной заинтересованности кабинетских чиновников, пытавшихся извлечь личные выгоды из страданий и нужды народной. В черновиках воспоминаний отложились резкие и крайне эмоциональные оценки этой деятельности, которые, хотя и были вычеркнуты автором, тем не менее, в истории сохранились. «Тяжёлую страницу, – писал А.Н. Куломзин, – представит для историка нашего народного землепользования администрация нашей богатейшей колонии в Сибири; *администрация эта является поистине косною, жадною, узколобою шайкою чиновников, как высших, так и низших, управляющих исключительно в своих своекорыстных видах этим блестящим алмазом российской короны. И ведь во главе Кабинета находились после Петрова все весьма порядочные и, во всяком случае, образованные люди, как Гудим-Левкович и Рыдзевский, а взгляды оставались неизменно заскорузлые*»³ [слова, набранные курсивом, вычеркнуты, а последняя фраза (о «взглядах») – даже дважды. – С.К.]

Первоначальное поощрение прибывающих на Алтай переселенцев довольно скоро обернулось значительным наплывом неустроенных крестьян, непричисленных к селениям округа [15, с. 183]. В связи с этим власти сменили курс и перешли поначалу к ограничительной политике, а после 29 июня 1899 г., в связи с принятием новых правил переселения на Алтай, – и к серьёзному сдерживанию переселений. Теперь, чтобы получить право переселиться, следовало заручиться согласием министра двора и МВД. Выдача разрешений самовольным переселенцам была полностью остановлена, а приселение к старожилам допускалось лишь при наличии у них излишков земли, превышавших душевую норму в 15 десятин. «Всемерное ограничение переселений, борьба против самовольцев, нажим на местную администрацию для побуждения её к решительной защите коронных

¹ ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 6. Л. 18 об.

² Там же. Д. 7. Л. 11 об.

³ Там же. Л. 19 об.

интересов против переселенческого крестьянства – такова была политика Кабинета накануне первой русской революции» [16, с. 144].

Настаивая на прочном, научно обоснованном заселении Сибири, Куломзин как управляющий делами КСЖД всемерно поддерживал устройство в Сибири складов семян и сельхозинвентаря, организацию ферм, учреждение должностей губернских агрономов, проведение гидротехнических работ и почвенно-агрономических мероприятий. По словам Л.М. Горюшкина, в условиях низкой агротехники крестьяне «оказывались безоружными перед лицом стихийных бедствий и капризов природы» [17, с. 179 и прим. 151–154]. Огромная масса переселенцев, не рассчитывая на содействие государства, оставалась один на один с солончаками и засухами, самостоятельно боролась с обмелением водоёмов и заболачиванием почв. Одновременно появлялись оторванные от жизни проекты «научной» помощи переселенцам, носившие пустой и голословный характер. Весной 1895 г. один из таких «прогрессивных» проектов освоения «Великой Сибирской низменности» представил в Обществе любителей естествознания О.В. Маркграф. Куломзин, всегда крайне болезненно реагировавший на тяготы и лишения переселенцев, после знакомства с идеями Маркграфа хлётко назвал его «совершенно пустым болтуном» [18]¹.

Анатолий Николаевич считал, что для улучшения жизни огромной массы крестьянского населения надо сделать ещё очень много простых и полезных вещей. В делах КСЖД (фонд РГИА № 1273) есть, казалось бы, весьма далёкие от проблем железной дороги записки, например, об улучшении пчеловодства в Томской и Тобольской губерниях. В письме к А.Н. Куломзину от 24.11.1894 г. томский губернатор Г.А. Тобизен сообщал о приглашении в губернию учёного пчеловода «с целью руководить крестьянами в постепенном улучшении тех примитивных приёмов, кои они теперь прилагают к пчеловодству»². Другую докладную записку, размноженную по указанию Куломзина в количестве 100 печатных экземпляров и касающуюся развития пчеловодства в Тобольской губ. Подготовительная комиссия обсуждала в октябре 1900 г.³

Не менее важными представляются усилия Куломзина по организации церковного и школьного строительства в новых переселенческих посёлках. В созданном при его участии благотворительном фонде имени Александра III, предназначенном для сооружения школ и церквей, к 1904 г. было собрано более 2 млн р. пожертвований [19, с. 343]⁴. Но работы продвигались с большим трудом – часть священнослужителей откровенно саботировали поручения, даже не страшась отстранения от должности [20, с. 97]. Куломзину приходилось принимать участие в улаживании разгоравшихся конфликтов.

---

¹ ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 7. Л. 43 об. и подстроч. примечание.

² РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 330. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 27 – 36.

⁴ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 190. Л. 27 – 28.

Так, во время приезда в Омск в сентябре 1896 г. он столкнулся с местным архиереем, выразившим недовольство тем, что постройка храмов шла хотя и с его благословения, но мимо его распоряжений, следовательно, по словам Куломзина, местные «попы и архитекторы не нажились на этом»¹. Архиерей бранился со строителями, мешал назначению священников в новые приходы и, вообще, делал всё возможное, чтобы показать свою значимость. Анатолию Николаевичу пришлось гасить скандал, «ублажать» консисторского секретаря, дабы «получить попов» и выдать архиерею 1500 р. «оборотного капитала» на выписывание священников из европейской России.

Подводя итоги переселенческой деятельности Комитета Сибирской железной дороги, А.Н. Куломзин констатировал, что «не вина Сибирского комитета, что так мало сравнительно сделано, но чего можно было достигнуть сообразно с размером отпускавшихся средств, приведено в исполнение. Осушение Барабинской степи, в коей поселено было до 50 тыс. душ, там, где среди необозримых болот гнездились кое-где чахлая население и скрывались дорожные грабители и разбойники; создание около 225 храмов и 180 школ; приступ к проложению дорог в тайгу – это дела, настойчивое проведение коих принадлежит Комитету, который неизменно в течение целого ряда лет энергично поддерживал эти стремления. Повторяю – не вина Сибирского комитета, что создано только 225 храмов там, где их нужно не менее 400 и 180 школ там, где их нужно 800. Комитет мог действовать лишь по мере добываемых каждый раз с бою казённых средств и всякими путями изыскиваемых пожертвований – всякими путями, кроме бесчестных»².

Список литературы

1. Ус Л.Б. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по организации переселений // Сибирский плавильный котёл. Новосибирск, 2004. С. 196 – 215.
2. Белянин Д.Н. Организация крестьянских переселений на казённые земли Сибири в XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4. С. 15 – 22.
3. Шиловский М.В. «Проектная экономика» в Азиатской части России: три века движения на Восток // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2008. Иркутск, 2008. С. 162 – 167.
4. Материалы Комитета Сибирской железной дороги. Т. 1–28 / экз. И.П. Шипова (Российская государственная библиотека; шифр: А306–1). СПб., 1893–1904.
5. Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 1: Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн. 2. Ч. 1. М., 2004. 647 с.

---

¹ ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д. 8. Л. 51 об.

² Там же. Д. 7. Л. 2 – 2 об.

6. Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад управляющего министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1893 год. СПб., 1893. 28 с.
7. Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т.1 (1849–1894). 586 с.
8. Ремнёв А.В. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А.Н. Куломзина // Политика царизма в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Иркутск, 1987. С. 42 – 57.
9. Куломзин А. «Воля только здесь...»: публикация писем / подгот. Ремнёв А. // Омская старина: ист.-краевед. альманах. 1994/1995. № 3. С. 86 – 101.
10. Ремнёв А.В. Тайные пружины царских канцелярий, или история жизни одного российского бюрократа // Выдающиеся государственные деятели России XVIII – XX вв. Омск, 1996. С. 101 – 133.
11. Ремнёв А.В. Анатолий Николаевич Куломзин // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 26–45.
12. Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных имуществ) в царствование императора Александра III. 1881 – 1894 гг. СПб., 1901. 300 с.
13. Трирогов В. Община и подать (собрание исследований). СПб., 1882. 511 с.
14. Отчёт по Комитету Сибирской железной дороги за 1893 г. СПб., 1894. 59 с.
15. Сибирские переселения. Вып. 2: Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: сборник документов / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2006. 263 с.
16. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1973. 264 с.
17. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967. 412 с.
18. Маркграф О.В. Великая Сибирская низменность, её географические особенности и её значение для хозяйства и заселения страны // Землеведение. 1895. Кн. 2–3. С. 208–220.
19. Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в её прошлом и настоящем. СПб., 1903. 475 с.
20. Смагин А.Н. Государство и церковь в процессе заселения юга Дальнего Востока // Россия и АТР. 2004. № 4. С. 90–101.